

Дискуссия «Свободы Слова» о мерах по развитию казахского языка продолжается. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей публикацию нашего автора Мурата Уали.

Казахский язык – как искусство

Продолжая тему казахского языка, предложенную газетой, хочется поддержать мысли, высказанные Е. Жумагуловым в статье «Язык мой – брак мой». Единственное спорное утверждение автора – о том, что «ни одна народность в СССР не утратила свой язык». Еще как утрачивали, а в современной России – утрачивают и будут утрачивать. Как известно, малые бесписьменные языки исчезают со смертью последних носителей. Поэтому в мире каждые две недели исчезает один язык. Возможно, эта печальная статистика для аборигенов Австралии и Америки, но и Восточная Сибирь находится в зоне бедствия. Вот что говорит по этому поводу российский этнолог, заведующий отделом Института этнологии и антропологии РАН, член-корреспондент РАН Сергей Арутюнов: *«В России, по моим оценкам, каждый год исчезает по языку. Так, в СССР за последние 20 лет его существования исчезло 20 языков. Я знаю, по крайней мере, два таких языка в России, которые исчезли в последние годы»*. Можно добавить, что близки к исчезновению такие тюркские языки Сибири, как соётский, тофаларский, чулымский.

Шарик на горке

Но вернемся к нашим баранам. Лет 10 с лишним назад мой сын в 5 - 6 летнем возрасте стал смотреть мультики по домашнему видео. И он смотрел каждый мультик по четыре – пять раз, заучивая многие реплики наизусть. Мультки были, конечно, на русском. Глядя на него, я пришел к мысли, что просмотр дублированных на казахский язык популярных фильмов и мультфильмов – стал бы самым простым способом изучения языка, особенно для шала казахов и их детей. Решив проверить эту идею на сыне, я начал искать видеокассеты с мультиками на казахском. Но не нашел. Причем в то время, так же как и сейчас, интенсивно обсуждалась проблема предстоящего перехода на казахский язык, а по ТВ показывали даже рекламу мультиков на казахском. Но тогда сына так и не удалось приобщить к казахскому языку. Всю интересную ему информацию он получал на русском языке. Я смирился, но не терял надежды, что ситуация изменится в ближайшем будущем.

Прошло 10 лет. Родилась и подросла дочка и тоже стала интересоваться мультиками. За это время уже успели смениться носители для домашнего видео. Но оказалось, что ничего не изменилось в сфере дублирования фильмов. По-прежнему популярного домашнего видео на казахском нет. Хотя дочь ходила в казахский садик, а сейчас ходит в казахскую школу, мультики смотрит на русском, и в мыслях – феи, русалки и куклы Барби.

Но, несмотря ни на что, казахский язык постепенно расширяет сферы своего применения. В пресловутой Доктрине национального единства написано, что развитие

государственного языка должно стать фактором единения народа Казахстана. Написано-то правильно, но как этого добиться? Безусловно, казахский язык медленно, но развивается. На мой взгляд, в быту и в культуре уже даже достигнуто языковое равновесие с русским языком. Но это равновесие весьма неустойчиво.

В физике состояние неустойчивого равновесия иллюстрируется шариком на горке. Малейший толчок может привести к скатыванию шарика вниз – в состояние устойчивого равновесия. Все последние годы независимости мы пытаемся закатить шарик нашего языка на гору единства. Вот вроде бы достигли некоторого промежуточного плато. Но ведь очевидно, что попытки давления и форсированного внедрения «сверху» казахского языка во все сферы жизни могут привести не к единению, а к разъединению народа. Из той же физики известно, что сила давления уравнивается силой реакции. Действие порождает противодействие. Русскоязычное население в ответ может просто покинуть Казахстан. На форумах интернет-сайтов они об этом прямо говорят. Начнутся волны оттока в Россию, шарик скатится вниз, и мы получим устойчивое равновесие – второй Туркменистан. Порой возникает впечатление, что некоторые силы этого и добиваются.

Производство казахоязычного контента

Очевидно, и это правильно подчеркивает Е. Жумагулов, – знание казахского языка должно быть выгодно. Но не только возможностью общения с представителями доблестной дорожной полиции или районных акиматов. Изучение казахского языка может стать внутренней мотивацией многих не знающих язык, если они от этого будут иметь материальные (а может, и духовные) преимущества. Как это сделать? На мой взгляд, при желании государство может сделать это достаточно просто. Обязать продавцов услуг с языковым контентом снизить тарифы для услуг (товаров) на казахском языке, а разницу от рыночной цены доплачивать из госбюджета. Вот, например:

- в кинотеатрах снизить цены билетов на фильмы на казахском языке, например, в 2 раза по сравнению с теми же фильмами на русском языке.
- по меньшей цене продавать видеодиски с фильмами и играми, книги на казахском;
- установить меньшие тарифы для рекламы в СМИ на казахском языке.

Конечно, все это станет возможно, если существенно увеличить казахоязычный контент. Пока его недостаточно, но ведь процесс тоже можно и нужно стимулировать. Государство должно объявить ежегодные национальные премии для создателей такого контента. Дают же спортсменам немалые деньги за спортивные победы. Чем творческая элита хуже? Можно тожественно и всенародно проводить презентации казахстанских «оскаров», «тэффи», «буккеров» и т. п. для:

- писателей, поэтов, переводчиков за лучшее произведение (в каждом жанре);
- артистов за дубляж фильмов и игр;
- режиссеров за фильмы;
- театров за спектакли;
- журналистов за статьи или телепередачи;

– сайтостроителей за интернет-сайты.

Такие меры стимулируют как производителей контента, так и его потребителей, дадут работу казахоязычным писателям, артистам, режиссерам, переводчикам, поднимут их статус, как творческой элиты общества. В эту среду могут мигрировать многие билингвы, предпочитающие пока русский язык. Дети (а может, и некоторые взрослые) будут получать современную, интересующую их информацию на казахском языке. Язык будет развиваться в прозрачной конкурентной среде. Новые слова и термины будут создаваться не искусственно кучкой неизвестных филологов, а известными писателями и поэтами в авторских текстах. Можно напомнить, что в XIX веке современные европейские языки, в частности итальянский, немецкий, в некоторой степени русский, совершенствовались и становились национальными литературными языками благодаря не филологическим комиссиям, а великими писателям и поэтам. Конечно, такие меры требуют финансирования, но лучше так – адресно и эффективно, чем создание центров по изучению языка с непонятным результатом. Такие центры тоже понадобятся, но на втором этапе, когда в стране будет создана атмосфера интереса к языку. И если это произойдет, то обучение языку может стать выгодным бизнесом, аналогичным обучению английскому, и туда придет частный капитал, облегчив государственное финансирование.

Казахский язык как искусство

Только не надо трогать науку и технику. У них свой язык (английский и в меньшей степени – русский), своя терминология, и свои каналы поступления информации (преимущественно из-за рубежа). Те, кто занимается наукой и техникой, их знают (или должны знать). Казахский новояз пока не может справиться с повседневной городской терминологией. Куда уж до научной. Причем в последние годы даже в гуманитарных науках (не говоря уже о технических) русского языка становится недостаточно. Например, упомянутый выше профессор Арутюнов говорит: *«Реально писать научные труды можно сегодня только по-английски. Русский уже не подходит – во-первых, его использование резко ограничивает круг читателей, а во-вторых, уже сейчас ему не хватает терминологии. И этот процесс будет только нарастать. Все языки, кроме английского, в перспективе будут находить только местное применение – в быту, в политике, в литературе и так далее».*

Пусть каждый язык займет свою заслуженную нишу. Тюркский язык, к которому относится казахский, никогда не был языком науки. В средние века говорили, что арабский язык – для религии, персидский язык – для поэзии, тюркский язык – для военного дела. В те времена кипчакский диалект тюркского языка был международным языком большей части степной Евразии. Арабы потому и называли ее Дешти Кипчак. В то же время великий тюркский поэт Алишер Навои говорил о языках так: *«Arabi – asl, farsi – sekar, hindi – namak, turki – honar»* («Арабский – корень, фарси – сахар, хинди – соль, тюрки – искусство»). Конечно, со Средних веков прошло немало лет, и за это время арабский, фарси и хинди утратили былое значение, да и тот тюрки (чагатайский), о котором говорит Навои, уже в прошлом. Тем не менее казахский язык, как прямой потомок тюркского и кипчакского языков, сохранил их главные свойства. Известный советский тюрколог С.Е. Малов говорил о казахском языке: *«Язык казахов всегда отличался среди других тюркских языков своей образностью, картинностью; казахи славились и славятся своей народной словесностью, своим красочным фольклором».* Образность ведь присуща языку искусства, так давайте развивать то, к чему язык приспособлен, то, в чем есть веками наработанный опыт, то, в чем наши предки достигали немалых высот.

Сейчас нас уже окружают другие языки: русский, английский, турецкий, китайский. Поэтому, перефразируя Навои и экстраполируя на казахский, можно сказать о современных языках: русский – друг, турецкий – брат, английский – гуру, китайский – сосед, казахский – искусство.

Мурат **УАЛИ**